Перед дальней дорогой. Афон

Опять Шумер вспомнился. Сколько миновало лет и парсеков пронеслось, не вспоминал, а здесь, на Афоне, уже не в первый раз. И жизнь и люди здесь похожи. Не внешностью – сутью. Спокойные жители галактической провинции. Добираться сюда обычным рейсом надо месяца три только от станции Клайн. Лететь и скучать. Наш путь был гораздо быстрее. В пределах Барраярской империи передвигались на тесных военных скоростных курьерах. Затем в комфортабельных галактических круизных лайнерах не выходя из кают-люкс быстро пересекли пространство, контролируемое десятком империй, республик, султанатов и демократий. А от станции Клайн за две недели домчались на боевом крейсере Свободного флота Дендарийских наемников. Знакомые ребята эти дендарийцы. Деловые и шустрые. Лет десять назад, когда впервые пришлось с ними иметь дело, замутили кровавую кашу на Архипелаге Джексона, изрядно попортив печень барону Риовалю, которого, по слухам, вскоре вообще со свету сжили, попутно перессорив несколько Главных Джексонианских Домов. Затем от Цетагандийских охотников за головами как зайцы метались между звезд после Мерилакских разборок. Теперь вот на Барраяр опять работают. Наемники, одно слово.

Всех этих баек доктор Уэдделл наслушался за две недели рейса вдосталь. Причем лейтенант Чодак совершенно не препятствовал гражданским лицам приобщаться к вольным разговорам в кубрике командного состава «Триумфа». Оба пассажира проходили как груз самой высокой степени секретности и не смогли бы никоим образом послужить каналом утечки информации. И вот уже полтора стандартных года командировки на Афон ребята Чодака так же тщательно берегут Воэна Уэдделла с его напарником доктором Айзеком Бромбергом от нежелательных контактов.

Воэн присел на широкий подоконник окна, распахнутого в степь. Простое окно и простой подоконник. Как на Барраяре или на Шумере. Толстая шлифованная доска. Никаких тебе сервоприводов, поляризационных светофильтров и молекулярных барьеров на окнах. Занавески тихонько колышет жаркий полуденный ветерок. Под окном на широком газоне деловито шуршит местная пернатая и пресмыкающаяся мелкота. Где же тот Шумер, который уже давно не называл родным? В каком направлении искать его солнце? Логика путешественника эпохи «кротовых нор» предлагает иную парадигму для представления обитаемого пространства. Раньше, когда передвижения людей ограничивались шариком древней Земли и даже когда человечество, вырвавшись из пут притяжения, ринулось к ближайшим планетам и затем к звездам, всегда можно было указать определенное направление в пространстве по вектору начальной и конечной точки маршрута. Человек мог сказать: там мой дом, а туда я еду или лечу, плыву, шагаю. Теперь же карта-схема п-в-переходов в виде шариков, соединенных отрезками, заменила картину звездной россыпи той части рукава Галактики, что служила обителью человечества. Соседние на карте узлы могли оказаться в физическом пространстве гораздо дальше, чем те, которые соединялись несколькими переходами. А понятие направления для движения по пассажирским маршрутам не имело никакой связи с реальным направлением взгляда на ту или иную звезду. Путешественник держал в голове сюрреалистическую картинку из точек и отрезков, взамен пустого пространства, заполненного звездами, планетами и туманностями. Сегодня конечная точка лежит на Афоне. И путь, приведший сюда, был долог, извилист и непрост, как и идеи, его породившие.

Всё началось почти десять лет назад, когда Воэн Уэдделл, тогда еще доктор Хью Канабе, которого на Шумере знали как Гришку Канаву из семьи Бояна Канавина, безмерно устав от добровольно принятого интеллектуального рабства в роскошных лабораториях барона Бхарапутры, начал судорожно искать путей для бегства. И вскоре «случайное» знакомство в элитном стриптиз-балете столичного городка империи барона Бхарапутры неожиданно приоткрыло окно на свободу. Заезжий торговец системами негласного контроля, попросту говоря, шпионским оборудованием, после удачной сделки расслаблялся в общении с местным искусством и оказался соседом Канабе по зрительской ложе. Каким образом завязался разговор, приведший в конечном итоге к вербовке доктора агентурой Барраяра, тренированный ум Канабе до сих пор понять не мог. Впрочем, у каждого свой навык – кто-то конструирует генокомплексы, а кто-то виртуозно управляет человеческим воображением. Через пару недель доктор получил детальную информацию, когда и

с кем выходить на связь. Это оказались представители малоизвестного наемного военного формирования, прибывшие на Архипелаг для закупки тяжелого вооружения у Дома Фелл. Каскад неожиданных приключений, которыми сопровождался визит наемников, еще надежнее прикрыл бегство Канабе, завершившееся в кабинете главы тайной службы императора Барраяра. Доктор безропотно принял новое подданство, смену имени и внешности, получив взамен первоклассную лабораторию, исполнительных сотрудников и, главное, интереснейшую задачу, ради которой его и выкрали с Архипелага Джексона. Во время неведомых тайных операций спецслужбы Барраяра добыли уникальный генный материал – биопсию тканей настоящего телепата, принадлежащего роду Homo Sapiens. Согласно разведданным, источник материала был выведен искусственно во время работ, продолжавшихся почти два десятилетия. Изучение добытого разведкой генома стало сверхзадачей нового подданного, на которого помимо этого возлегли обязанности ведущего генетика-исследователя империи.

Сменив холодную планету гангстеров на империю трех миров, на которой был гораздо шире представлен спектр климатических и социальных условий, Канабе-Уэдделл с энтузиазмом принялся за дело. Он мог неограниченно общаться с барраярским научным сообществом. И даже галактическое было ему теперь доступно. Под ненавязчивой цензурой, разумеется.

Мн-да-а…Задача раскрутки загадочного генома сразу показала зубы. И потому становилась интересней. Агентурные сведения указывали, что телепатическая восприимчивость хозяина генома обеспечивалась гипертрофированным развитием шишковидной железы. Цетагандийский исследователь доктор Фэз Джахар действовал просто как мясник. Мясник с университетским дипломом. Или, скорее, с парочкой дипломов. Вооруженный генсканером, высокоточным молекулярным анализатором и цитоинженерной фабрикой с нанокибернетическими эффекторами. Всё одно – мясник. Привыкший расчленять на части там, где нужно искусство скульптора, извлекающего из бесформенной заготовки нечто цельное и гармонично-прекрасное. Эффект телепатии, обнаруженный им в генотипе безвестной бродяжки – надо всё-таки отдать должное этому невежде в незаурядной проницательности и, черт его побери, дьявольской работоспособности, – итак, он углядел-таки, где коренятся истоки управления механизмами дальновидений, дальночувствования, словом, телепатии. Однако, сняв верхний слой истины, сумел не заметить лежащее ниже, которое было не менее важно. Он взялся за шишковидную железу и начал всячески стимулировать ее развитие. Слава богам, догадался про важность преднатального питания, но не отработал точных схем и процедур. Действовал пробами и ошибками, по наитию. Ох, уж эта его прямолинейная однобокость! Там, где надо было годик, а то и другой вдумчиво исследовать, тщательно распутывая временную динамику наследственных механизмов, он, подобно этим грубиянам-форам с Барраяра, кинулся в кавалерийскую атаку за победой.

Голофильмов про героическое прошлое своей новой родины Уэдделл вдоволь насмотрелся в первое время, когда, осваиваясь на новом месте, проходил эмиграционные и прочие организационные процедуры и собственно работой не занимался. Ностальгические для местных ретроградов постановки про конные атаки меченосных форов против цетагандийцев, вооруженных плазмометами и укрытых броней военной техники.

Вот и доктор Джахар так же очертя кинулся на первый попавшийся ему признак победы, не изучив как следует всей структуры обороны противника. А ведь дело было не в одной железе, хотя она и становилась в конечном итоге главным рабочим органом телепата. Весь наследственный механизм плода работал на эту функцию, пока она выращивалась и потом, уже во взрослой фазе, весь организм был пронизан элементами обеспечения телепатии! Шаг за шагом, день за днем надо было тщательно снабжать растущий плод необходимым строительным материалом по точно выверенной и сбалансированной схеме, чтобы, не обделяя другие структуры организма, обеспечить формирование телепатической подсистемы, которая не должна была стать в будущем непосильной обузой для ее обладателя. Единственный выживший подопытный Джахара Теренс Си удивительно гармоничный человек! Но дар телепатии ужасно его истощает. Он снабжен великолепно сбалансированной комбинацией генов, которые у любого другого гарантировали бы отличное здоровье и небывалую физическую мощь. Да, да, именно физическую мощь, потому что телепатия чрезвычайно энергоемка, носитель должен быть крепок и вынослив, буквально, как бык. Наследственная программа, которую наспех инициировал костоправ Фэз Джахар, буквально выпивала энергию и ресурсы у плода. Потому и гибли все его подопытные, пока он не

научился худо-бедно компенсировать потери во время развития. А чтобы этого избежать, надо было… словом, знаем, что надо было: думать, думать и еще раз думать и не стремиться заявлять об успехах.

Курлыкание головида прервало цепь воспоминаний. Огонек на панели, стоявшей в затененном углу лаборатории, сигнализировал о вызове. Канабе разрешающе махнул рукой. Система, настроенная на жесты, отреагировала и над проекционным кругом появилось изображение. Это был молодой мужчина с тонкими чертами лица, обрамленного мягкой курчавой светло-русой бородкой. Длинные, тоже вьющиеся волосы, откинутые со лба, закрывали шею. Обликом он всегда напоминал что-то связанное с религией из давно забытого прошлого. Звонящий вежливо улыбнулся, давая понять, что уступает право приветствия старшему.

– А, Терентий, привет.

– Приветствую, Боян.

Теренс Си и доктор Канабе давно поддерживали обоюдную игру. Канабе сразу прозвал инициативного министра внешних сношений планеты Терентием, а телепат, приняв подачу, стал обращаться к доктору по имени его отца, которым он назвался назвался, слегка изменив в угоду особенностям галактического межязыка, когда переселялся на Барраяр. Он даже точно воспроизводил произношение соотечественников Григория Бояновича Канавина на далеком традиционалистском Шумере. Теренс-Терентий Эркхарт, взявший фамилию своего афонского друга вместо лабораторного номера Си, всегда имел при себе несколько доз стимулятора телепатии и временами ими потихоньку пользовался.

Немного помедлив, Теренс продолжил:

– Неплохие вести. Скоро вы отлетаете – пришло сообщение с «Отцов-Основателей». Они в пяти днях лета от Афона. Можно готовиться.

– Я всегда готов, мой груз – это информация, а она всегда при мне.

Теренс вежливо улыбнулся.

– Что-то еще?

– Мне бы хотелось попросить вас не очень спешить и, если имеются неоконченные дела, завершить их до отъезда. – Теренс как всегда был мягок и обходителен, подстраиваясь под особенности общения собеседника, чем, среди прочих своих достоинств, заслужил занимаемый им в настоящее время ответственный пост. – Если будут позволять обстоятельства и при согласии всех сторон неплохо бы немного задержать отлет. Дело в том, что вскоре должен прибыть давно ожидаемый моим департаментом транспорт с грузом и присутствие как ваше с уважаемым доктором Бромбергом, так и нашей планетарной эскадры, – Теренс усмехнулся, подразумевая единственный боевой галактический крейсер планеты по имени «Отцы-Основатели», недавно введенный в строй и вышедший в свой первый уже не учебный рейс, из которого он сейчас возвращался, – было бы очень уместно.

– ?...

Вопросительный немой жест Канабе был достаточно красноречив и Теренс продолжил.

– Некоторое время назад мой департамент получил ответ на регулярно публикуемые нами в галактических бюллетенях предложения о преднатальном усыновлении. Вы, наверное, не в курсе проблемы, она несколько специфичная. В разных мирах, у состоятельных людей чаще всего, возникает необходимость как-то распорядится судьбой еще не рожденного ребенка. Рожденного, так сказать, незаконно или имеющего будущий юридический статус не очень удобный для родственников. Судьба такого человечка нередко бывает сложной, ему грозят проблемы с наследованием имущества, либо напротив – он может лишится наследства и статуса и родственники хотят спасти его от нищеты, отдавая в чужие руки. Вариантов достаточно, но иной раз получается так, что дешевле оплатить переезд и усыновление, чем будущие проблемы. Словом, вы ухватываете суть?

– Да, конечно.

– Вот сейчас мы и ожидаем такой транспорт. Первое предложение и очень удачное. У одной бедной республики неожиданно оказалось на руках несколько десятков младенцев на разных стадиях развития в маточных репликаторах. Сирот, родители которых погибли во время катастрофы. Там, кажется, было сильнейшее землетрясение, такое, что потребовалась помощь соседей по галактическому сектору. Сирот всегда усыновляют, но наш агент успел раньше и вот – организовали целый транспорт, расходы на который был покрыт бюджетом спасательной операцией.

– А вам-то какая выгода от хлопот с сиротами? Помимо того, что детей вы очень любите?

– А генетическая вариабельность?

– Ах, да, конечно, – Канабе рассмеялся. – Я немного позабыл о вашей специфике воспроизводства…

– И специфика, и невысокая численность населения Афона, и удаленное положение, и эмиграционная политика. В итоге мы получаем новых граждан, новые гены и валюту – нам за это платят.

– Ага, и организация этого предприятия – целиком твоя заслуга, Терентий?

Теренс ухмыльнулся и отвесил поклон.

– Нет проблем. Остается только обсудить с доктором Бромбергом…

– Он уже это сделал, дружище, – Айзек Бромберг материализовался в дверях, очевидно, будучи в курсе разговора и услышав последние реплики. – Я не возражаю. Поможем с осмотром груза в качестве консультантов, а заодно погуляем на празднике Сбора урожая. В прошлом году мне очень понравилось.

Высокий, плечистый и стройный доктор Айзек Бромберг являл характер противоположный, чем отрешенный и несколько высокомерный Канабе. Бромберг в научно-исследовательском командировочном тандеме выполнял функции специалиста по эмбриологии, репродукционным технологиям и связям с общественностью. Несмотря на возраст, будучи моложе своего коллеги как минимум вдвое, он уже числился в пятерке ведущих специалистов своей родной планеты Коммара. Технократический снобизм комаррцев совершенно не был ему свойственен. Скорее он напоминал развязного бетанца, волею судеб приблудившегося под купола холодной Комарры. Впрочем, имперские спецслужбы тщательно всё проверили, прежде чем дать разрешение на участие в работах Канабе. Биография Бромберга была чище слезы младенца, даже к традиционным выступлениям против барраярской оккупации ни он, ни его родственники никогда не были причастны. Вероятно, в силу легкомысленности.

Оба на Афоне дружно отрастили длинные волосы, которые завязывали на затылке хвостом, чтобы сохранить возможность брить лица и не ходить бородатыми, как принято здесь у солидных, уважаемых отцов и граждан. С бритыми лицами ходили только юнцы и те, кто еще не имел детей. Чтобы обезопасится от докучливых матримониальных и прочих подобных приставаний, поскольку внешне они отличались от афонцев и нередко привлекали внимание, внешность выбрали несколько эпатажную, что отчасти выручало. Темные с проседью волосы доктора Уэдделла были затянуты в короткий хвост простым эластичным кольцом. Роскошная черная грива Айзека, с которой он приехал на Афон, удлинилась ниже лопаток – не без помощи стимуляторов, которые оба быстренько для себя подобрали, чтобы не тратить времени – и он заплетал ее в толстую косу с грузиком на конце, уверяя, что так поступали какие-то из его воинственных предков. Это была, так сказать, внутренняя линия охраны. Внешнюю несли службы безопасности дендарийцев и афонцев.

– Значит, решено. – Подвел итог директор департамента внешних сношений планеты Афон Теренс Эркхарт-Си.

Весна 2009 – август 2009